

Содержание

Вступление	8
<i>Рассказы современных писателей</i>	
<i>Эдуард Овечкин. Снег . . . . .</i>	13
<i>Дина Рубина. Астральный полет души на уроке физики . . . . .</i>	30
<i>Жанар Кусаинова. Обломки настоящей Берлинской стены . . . . .</i>	42
<i>Людмила Улицкая. Бумажная победа . . . . .</i>	50
<i>Павел Рудич. Тумболия-тромболетта . . . . .</i>	59
<i>Татьяна Замировская. Воробьиная река . . . . .</i>	65
<i>Марина Степнова. Ма и Бе . . . . .</i>	86
<i>Жука Жукова. Обыкновенное чудо . . . . .</i>	93
<i>Наринэ Абгарян. Бегония . . . . .</i>	105
<i>Юрий Каракур. На помощь . . . . .</i>	120
<i>Тинатин Мжаванадзе. Тайная жизнь Нуцы . . . . .</i>	134
<i>Каринэ Арутюнова. Поймать стрекозу . . . . .</i>	149
<i>Татьяна Дагович. Регенерация солнца . . . . .</i>	154
<i>Евгений Чеширко. Ночь Небесных Светлячков . . . . .</i>	203
<i>Дарья Алавидзе. Свет ночной . . . . .</i>	211
<i>Сергей Лукьяненко. Последняя ночь колдуна . . . . .</i>	220
<i>Яна Вагнер. Некрасивая Соня . . . . .</i>	230
<i>Людмила Петрушевская. С Новым годом, преступник!</i>	249
<i>Александр Цыпкин. Московская горка . . . . .</i>	269

Содержание

Рассказы подопечных фонда Константина Хабенского

<i>Кристина Баркина, 8 лет. Рыжик . . . . .</i>	<i>277</i>
<i>Лиза Батуева, 10 лет. Моя жизнь — это чудо! . . . . .</i>	<i>280</i>
<i>Настя Белякова, 10 лет. Про мальчика Петю . . . . .</i>	<i>285</i>
<i>Олег Георгица, 11 лет. Андрюшка . . . . .</i>	<i>288</i>
<i>Айым Джаилканова, 8 лет. Смайлики. . . . .</i>	<i>291</i>
<i>Арина Иголкина, 10 лет. Необыкновенное обыкновенное чудо . . . . .</i>	<i>295</i>
<i>Диана Кирлик, 17 лет. Девушка с обложки журнала</i>	<i>299</i>
<i>Настя Коница, 14 лет. Мое Чудо! . . . . .</i>	<i>302</i>
<i>Абильмансур Макьпбек, 9 лет. Настоящее чудо! . . . .</i>	<i>306</i>
<i>Владислав Наумов, 17 лет. Взгляд вслепую . . . . .</i>	<i>308</i>
<i>Елизавета Ревякина, 13 лет. Дружба . . . . .</i>	<i>312</i>
<i>Евгений Сафонов, 13 лет. И будет чудо . . . . .</i>	<i>314</i>

РАССКАЗЫ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Эдуард Овечкин

СНЕГ

В тот год не было первого снега. Тот, который неожиданно повалил в октябре, был слишком ранним даже для первого, и все с уверенностью рассуждали, что он точно растает и не ляжет. Доводы были разные и один крепче другого: личный опыт, народные приметы (даже тех народов, у которых снега отродясь не бывало) и желание отсрочить зиму придавали уверенности этим рассуждениям: первый снег тает всегда.

Но снег никого не слушал, а может, и слушал, да просто — как я и предположил,— не был первым. Он падал, падал и падал... Сначала таял в жирной грязи дорог, на оставшихся желтых листьях и лип к подошвам, потом покрыл все трусливым тоненьким слоем, а после исчезли дороги и, укатанные машинами, стали неожиданно ровными и гладкими — не то что летом. Исчезла тропа в сопках и долго ждала смельчаков, которые первыми пойдут по ней и пробьют дорогу в базу. Она все ждала, а снег все падал и падал, и пока только серые будни водили по ней за собой черные ночи.

В тех краях зима больше всего похожа на сказку: народа там живет мало, ни фабрик, ни заводов — вообще минимум цивилизации, и снег лежит почти везде нетронутым и ярко-белым, накрывая себя поверху глухой тишиной. Именно из-за этой тишины и хочется зимой впасть в спячку; это весной или осенью тянет непременно куда-то бежать и срочно что-то делать, а зимой чем меньше движений, тем гармоничнее на фоне природы себя чувствуешь — лег, укутался, чай рядом поставил, и всё — до мая меня не трогайте, будьте так любезны.

Когда снега навалило столько, что скрылись деревья и кусты, а брошенные машины в поселке начали служить детям горками для катания на санках, стало очевидно даже самым упертым консерваторам, что он уже точно не сойдет и народные приметы в этот раз не сработали, и все смирились с неизбежностью. А с неизбежностью больше ничего сделать и нельзя.

— Вот поди ж ты,— бурчал второй в цепочке смельчаков, топчущих тропу, замполит,— законы природы и то сбои дают!

— Не то что твои постановления пленумов, да? — обращившись к нему старпом (всегда шел первым — как определял направление тропы, никто понять не мог), — они-то нас никогда не подведут! Ой, что это я! Это же раньше было, а теперь-то их отменили за ненадобностью! Как жить? Как жить? Того и гляди небеса рухнут!

— И кто уже удивится?

— Боги?

Снег

— Даешь ты! Один был — дедушка Ленин — и того свергли, а прочие давно уж померли. Как тебя к самостоятельному управлению кораблем допустили без знания основ мироздания?

— Так меня же допускали его уничтожить, а не постигать! Разные вещи. А так да, повезло, что ни одного попа в приемной комиссии не было, успел я проскочить, видишь, пока духовность возродить не начали.

— Думаешь, начнут?

— Поспорим?

Остальная цепочка шла молча: на вершинах сопки снег, подчищаемый ветром, едва доходил до колена, но кое-где в низинах брели и по пояс. Старпому-то было нипочем, зам тоже из породы старых коней, а молодежь дышала тяжело — особенно те, которые участвовали в мероприятии впервые.

— Ха! Вот она — Нерпичья! — крикнул зам, когда с вершины последней сопки открылся вид на дорогу к пирсам и сами пирсы с пока черными, как кляксы, лодками на общем белоснежном фоне.

— Всё,— старпом резко выдохнул и остановился,— не могу больше!

— Да ладно,— тронул его за плечо зам,— не так все плохо, чего ты? Выкарабкаемся как-нибудь, ну могло же быть и хуже, понимаешь? Война могла быть, разруха, американцы кругом. И тебя все равно командиром назначат, ну чего ты, ну потерпи, ты же умный, ты же монстр в вопросах боевой подготовки!

Старпом распахнул полы шинели и ковырялся внутри, слегка притопывая:

— Да не о том я, чего ты меня баюкаешь? Не могу больше терпеть в себе чай! Надо срочно привязать коня. Думал, дотерплю до парохода, ан нет. Отвернитесь там, э! Старпом пisać будет!

— Это вы кому? — удивился управленец (третий в цепочке).— Нам или женщинам в штабе кричите? Мы-то, можно подумать, не видели там чего или, можно еще подумать, там есть у вас чем нас удивить!

— Так, бакланы! — взялся за дело зам.— Разговорчики в строю! Кому сказано отвернуться! Рассуждают они! Распустились!

— Пусть только это, в бок коня привязывает, а не на тропу!

— Да без вас капитан второго ранга не разберется, как ему поссать! А!

— Без нас-то, может, и разберется, а нам по его разбору ходить потом не больно-то и охота!

— Ну что вы, наговорились? — старпом оправлялся.— Я уж все. Или подождать, пока вы драку не затеете?

Зам сдвинул шапку на затылок, от прилипших ко лбу волос повалил пар.

— Какую драку? Мы же офицеры!

— Ну офицерскую, значит. Повыхватываете шпаги и ну на снег кровью полоскать! Вот бы я посмотрел!

— Но нет. Двигай давай, посмотрун.

Вниз скатились быстро. На дороге, почищенной каким-то заезжим трактором (своего в дивизии не было), долго и не спеша отряхивались, высыпали, держась друг за друга, снег из ботинок и курили.

Снег

— Ну вот,— старпом снял шапку,— вечером обратно пройдем, и готова тропа! Молодцы мы, да?

— Молодцовее и не бывает! — поддержал его зам.— О, командарм наш из штаба идет!

Командир шел медленно, о чем-то задумавшись, и смотрел себе под ноги (понуро,— подумал бы незнакомый человек, но мы же не незнакомцы — так думать не станем) и совсем как-то по-детски мило махал портфелем, и особенно умилительно это смотрелась не из-за возраста, а из-за его крупной фигуры. На самом деле он был довольно молод, чуть за сорок, но командирская служба быстро старит мужчин — тех, которых не сживает со света вовсе. Увидев своих офицеров, явно обрадовался и ускорился.

— Товарищи офицеры (был и один мичман, но отчего бы не сделать ему приятно, видимо решил командир),— командир жал всем по очереди руки,— что, решили сегодня здесь игнорировать суточный план, не заходя на корабль?

— Отнюдь! — засмеялся старпом.— Физподготовка у меня в плане! Вот и отработали ходьбу по пересеченной местности!

— А! То-то я смотрю, вы заснеженные, а баб снежных вокруг и не видно! Где, думаю, извалялись?

— Плохо вы о нас, тащ командир думаете! Уж мы-то всегда найдем, в чем изваляться!

— И баб?

— Заметьте, тащ командир, не я это предложил!

К кораблю пошли не торопясь: впереди командир со старпомом и замом, а остальные — чуть сзади, для соблю-

дения необходимой почтительности. Командир почтительность тоже ценил и, рассказывая о каких-то штабных делах старпому с замом, периодически оборачивался, чтоб и задним было его хорошо слышать. Хотя задним мало интереса было до штабных дел, что их касается — и так доведут.

Спустившись от второго КПП к судоремонтному заводу, они постепенно скрылись из нашего вида; почти и не различить уже было — люди там идут или стая черных воронов, которая устала махать крыльями и пошла по своим делам пешком. Да и снег. Сначала редко и не спеша, а потом все гуще и гуще, он опять полетел с неба.

Всегда, когда снег уже улегся, но не успел еще стать рыхлым и тяжелым, в воздухе витает какое-то ожидание. Ждут чего-то все, даже те, кто утверждают, что не ждут уже ничего: кто Нового года с чудесами, кто весны, которая и сама по себе — чудо, а кто и просто пенсии. Но одно дело, когда снег укладывается к концу ноября — началу декабря, а совсем ведь другое, когда в раннем октябре. Сколько можно носить в себе легкое невесомое ожидание без видимого срока его исполнения и не упустить его в грустное разочарование, что вот, опять все как всегда? И не было же в этом году повода, который отличал бы его от прошлого, позапрошлого или будет отличать от будущего, но откуда-то берется это ощущение ожидания чего-то непременно светлого. Может, из снега?

Проскочил ноябрь, декабрь перевалил уже далеко за свою середину и по ощущениям тех, для кого эта зима была первой в Заполярье, Новый год уже прошел, ан нет — все

еще висел и уже почти на носу. Странное ощущение — я его еще помню.

Тропа снегом уже не зарастала — раз протоптанная, она всегда стояла всю зиму: цепочки людей в обе стороны не кончались.

— Ну что, Вася, ходил ли ты вчера к Лене? — спрашивал один капитан-лейтенант в спину другого, топая за ним по тропе.

— Ходил, Гена, ходил.

Они были одноклассниками и дружили еще с училища, а потом так повезло, что и на службу вместе устроились.

— Ну и как там она?

— Как там она. Жопа вообще. Как тень стала, смотрит вроде на тебя, а вроде как и внутрь себя, рассеянная, глаза опухшие, руки трясутся. Полы там помыл вчера, снежинок на окна наклеил, велел держаться и верить в лучшее. Надеяться. Потом и моя с работы подгрребла, сидели там с ней на кухне и делали вид, что разговаривают о посторонних вещах. Странная это штука, надежда, да, Вася?

— Жизнь вообще странная штука, вот что я тебе скажу, Гена.

— Это понятно, но вот смотри, без надежды, оно все проще выходило бы, разве нет? Хорошо — значит хорошо, плохо — значит плохо, и приспособлявайся к этому плохо, учись жить в нем прямо сейчас, а то сидишь, сопли распускаешь — надеешься. К чему все это? Потом же все равно приспособляваться. Я думаю, знаешь, что, Вася, что Надежду эту самую Пандора из ящика своего выпу-